

А. Н. АКСАКОВЪ.

КЪ ЧЕМУ БЫЛО
ВОСКРЕСАТЬ?

ПО ПОВОДУ РОМАНА ГРАФА ТОЛСТОГО

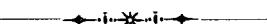
,,ВОСКРЕСЕНІЕ“.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержки изъ сочиненій проф. Ал-дра Введенского

и

О. М. Достоевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., 7.
1900.

Дозволено цензурою. Спб., 13 марта 1900 г.

КЪ ЧЕМУ БЫЛО ВОСКРЕСАТЬ?

Съ большимъ нетерпѣнiemъ ожидалъ я окончанія романа графа Толстого — «Воскресеніе». Миѣ хотѣлось видѣть, какимъ образомъ онъ воскреситъ своихъ героевъ, какимъ образомъ онъ возродить ихъ къ новой, духовной жизни. Теперь романъ законченъ и «воскресеніе» совершилось. Вотъ какимъ образомъ это произошло.

Нехлюдовъ, въ своей первой молодости, воспитаный подъ крыломъ матери, былъ вполнѣ невиннымъ юношемъ. О женщинѣ онъ мечталъ какъ о женѣ. Въ это время онъ пріѣхалъ погостить къ своимъ тетушкамъ, гдѣ и встрѣтилъ ихъ горничную — «Катюшу». Онъ ею увлекся, но эта любовь была совершенно чистою, почти безсознательною. Въ ту пору онъ былъ однѣмъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жертва во имя нравственныхъ требованій составляла высшее духовное наслажденіе. По прошествіи трехъ лѣтъ Нехлюдовъ вернулся къ своимъ тетушкамъ другимъ человѣкомъ: изъ честнаго, самоотверженаго юноши, готоваго от-

дать себя на всякое дѣло, онъ превратился въ развращеннаго, утонченаго эгоиста, любящаго только свое наслажденіе. То духовное существо, которое Нехлюдовъ считалъ тогда своимъ настоящимъ я, смѣнилось потомъ здоровымъ, бодрымъ, но животнымъ я, которое стало его личностью. Онъ цѣликомъ поддался вліянію окружающей его среды людей, признававшихъ умственными и осмыслившими только материальная потребности. По мѣрѣ сближенія своего съ Катюшой, физическая страсть все больше и больше охватывала Нехлюдова и, наконецъ, втянула ихъ обоихъ въ тотъ соблазнъ, который явился рѣшающимъ событиемъ въ жизни Катюши.

И вотъ, много лѣтъ спустя, Нехлюдову пришлось совершенно случайно присутствовать, въ качествѣ одного изъ присяжныхъ, при разбирательствѣ процесса обѣ отравленій и ограбленій, въ которомъ судилась и обвинялась Маслова вмѣстѣ со своими сообщниками. Когда для него стало несомнѣннымъ, что въ лицѣ подсудимой Масловой передъ судомъ предстала та самая Катюша, въ которую онъ былъ когда-то влюбленъ, въ душѣ его поднялась «сложная и мучительная работа». По мѣрѣ того, какъ выяснялось изъ разбирательства дѣла, насколько низко она пала послѣ своей разлуки съ нимъ, Нехлюдова все болѣе и болѣе охватывало чувство ужаса отъ сознанія своей виновности въ ея нравственномъ паденіи. По мѣрѣ

того, какъ прорывались наружу ея душевныя страданія, въ силу неправильно взваливаемаго на нее обвиненія, Нехлюдовъ все глубже и отчетливѣе проникался сознаніемъ необходимости отстоять ее, насколько это было возможно — помочь ей, признаться въ своей винѣ, просить прощенія и, по мѣрѣ силъ, загладить свой грѣхъ передъ ней. Эта новая задача всей его послѣдующей жизни и произвела въ немъ тотъ душевный переворотъ, который и открылъ ему смыслъ жизни.

Къ этому періоду жизни Нехлюдова относятся и нѣкоторыя колебанія въ возникшемъ уже въ немъ душевномъ переворотѣ: ему казалось временами, что попытки самосовершенствованія безполезны, что все такъ живутъ, какъ онъ жилъ раньше, и стало быть, не къ чему было ломать свою жизнь; но сомнѣнія эти съ тѣмъ большей силой подавлялись голосомъ пробудившагося въ Нехлюдовѣ «свободнаго духовнаго существа, которое одно истинно, одно могущественно, одно вѣчно». Все это были ступени, которыя постепенно вели Нехлюдова къ тому, чтобы, по выражению автора, «дѣлать волю Хозяина написанную въ совѣсти», и когда онъ это дѣлалъ, онъ былъ несомнѣнно спокоенъ. Главнѣйшимъ изъ душевныхъ трудовъ Нехлюдова слѣдуетъ отмѣтить его нравственное воздействиѣ на Маслову и, въ силу этого воздействиѣ, возникшую и въ ней важную для души ея перемѣну.

Нехлюдовъ даже хотѣлъ жениться на ней и поэтому слѣдуетъ за ней въ Сибирь, по слѣдамъ поѣзда ссыльныхъ, съ которыми была отправлена и Маслова.

Путешествіе это раскрыло передъ нимъ путь въ «новый, неизвѣстный и прекрасный міръ, съ новыми людьми, которыхъ поглощали серьезные интересы, радости и страданія настоящей, трудовой, человѣческой жизни». И такъ Нехлюдовъ сталъ другимъ человѣкомъ и Катюша стала другой женщиной. И тотъ и другая воскресли къ новой жизни. Катюша, наконецъ, по хлопотамъ Нехлюдова, была помилована, но не согласилась выйти замужъ за него, потому что понимала, что ея бракъ съ Нехлюдовымъ не могъ бы дать ему искомаго удовлетворенія.

Случайно Нехлюдовъ беретъ въ руки Евангеліе и тамъ находитъ «разрѣшеніе всего... давно неиспытанный имъ восторгъ охватилъ его душу. Точно онъ послѣ долгаго томленія и страданія нашелъ вдругъ успокеніе и свободу»... «Вѣдь если мы посланы сюда — говорилъ онъ себѣ — то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь»... «Воля же Хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на землѣ установится царствіе Божіе и люди получать наибольшее благо, которое доступно имъ»... Съ этой поры «для Нехлюдова началась совсѣмъ новая жизнь».

Но что именно графъ Толстой разумѣеть подъ словами: «новая жизнь» и «наибольшее благо», и въ чёмъ

именно состоять «воля Хозяина» и «Царство Божie», для этого я долженъ войти въ илькоторыя подробности, которыя я и почерпну изъ сочиненія графа Толстого «О жизни», напечатанного въ XIII томѣ собранія его сочиненій, изданного въ Москвѣ въ 1894 году. (Курсы мои).

«*Ученіе истины*, — говоритъ онъ, — указываетъ людямъ, что вмѣсто того обманчиваго блага, котораго они ищутъ для животной личности, они всегда имѣютъ *действительное благо*, всегда доступное имъ». Стр. 273.

«Жизнь есть дѣятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разумъ есть тотъ законъ, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человѣка. Любовь есть единственная разумная дѣятельность человѣка. Животная личность влечется къ благу; разумъ указываетъ человѣку обманчивость личнаго блага и оставляетъ одинъ путь. Дѣятельность на этомъ пути есть *любовь*». — Тамъ же.

«Всякій человѣкъ знаетъ, что въ чувствѣ любви есть что-то особенное, способное разрѣшать всѣ противорѣчія жизни и давать человѣку, то *полное благо*, въ стремлениі къ которому состоить его жизнь». Стр. 275.

«Истинная любовь всегда имѣеть въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Только на этомъ об-

щемъ благоволеній можетъ вырості *истинная любовь* къ извѣстнымъ людямъ, своимъ и чужимъ. И только такая любовь даетъ *истинное благо жизни* и разрѣшаетъ кажущееся противорѣчіе разумнаго и животнаго сознанія». Стр. 284.

«*Жизнь* моя проявляется во времени и пространствѣ, но это только проявленіе ея. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною въ времени и пространства. Такъ что при этомъ взглядѣ выходить наоборотъ: не сознаніе жизни есть призракъ, а все пространственное и временное призрачно. И потому, временное и пространственное прекращеніе тѣлеснаго существованія, при этомъ взглядѣ, не имѣть ничего дѣйствительнаго и не можетъ не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И *смерти* при этомъ взглядѣ не существуетъ». Стр. 292.

«*Жизнь* мы не можемъ понимать иначе, какъ извѣстное *отношеніе къ миру*: такъ мы понимаемъ жизнь въ себѣ и такъ же мы ее понимаемъ и въ другихъ существахъ. Но въ себѣ мы понимаемъ жизнь не только какъ разъ существующее отношеніе къ миру, но и какъ установлѣніе *новаго отношенія къ миру* чрезъ большее и большее подчиненіе животной личности разуму и проявленіе *большей степени любви*». Стр. 305.

«Человѣкъ знаетъ, что эта-то его *любовь* къ одному и нелюбовь къ другому, внесенная имъ въ это его су-

ществованіе, есть самая сущность его жизни, что это одно имѣть движение жизни, и онъ въ одномъ этомъ движеніи, въ *увеличенніи любви* полагаетъ свою жизнь. Такой человѣкъ, принявъ свою жизнь изъ невидимаго ему прошедшаго, сознавая постоянное не-прерываемое *возрастаніе ея*, не только спокойно, но и радостно переносить ее и *всевидимое будущее*. Стр. 306.

Въ чемъ же состоитъ это «невидимое будущее» для его жизни?

По словамъ графа Толстого: «Довольно мнѣ знать, что все то, чѣмъ я живу, сложилось изъ жизни жившихъ прежде меня и давно умершихъ людей, и что поэтому *всякий человекъ, исполнивший законъ жизни*, подчинившій свою животную личность разуму и проявившій силу любви, *жилъ и живетъ*, послѣ исчезновенія своего плотскаго существованія, *въ другихъ людяхъ*, чтобы нелѣное суевѣріе смерти уже никогда болѣе не мучило его». Стр. 312.

«Мой братъ умеръ; коконъ его, правда, остался пустой, я не вижу его въ той формѣ, въ которой я до этого видѣлъ его, но исчезновеніе его изъ моихъ глазъ не уничтожило моего отношенія къ нему. У меня осталось, какъ мы говоримъ, *воспоминаніе о немъ*..... Воспоминаніе это не есть только представленіе, но воспоминаніе это есть что-то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ точно также, какъ дѣйствовала

на меня жизнь моего брата во время его земного существования». Стр. 309.

«Какой бы тесный ни былъ кругъ дѣятельности человѣка.... если онъ живеть, отрекаясь отъ личности для блага другихъ, онъ здѣсь, *въ этой жизни* уже вступаетъ въ то *новое отношеніе къ миру*, для котораго *ильтъ смерти* и установленіе котораго есть для всѣхъ людей — дѣло этой жизни. Человѣкъ, положившій свою жизнь въ подчиненіе закону разума и въ проявленіе любви, видить *уже въ этой жизни*, съ одной стороны, лучи свѣта того новаго центра жизни, къ которому онъ идетъ, съ другой — то дѣйствіе, которое свѣтъ этотъ, проходящій чрезъ него, производить на окружающихъ. И это даетъ ему несомнѣнную вѣру въ неумалаемость, неумираемость и въ *вечное усиленіе жизни*». Стр. 312.

«Видимая жизнь наша представляется мнѣ отрѣзкомъ конуса, вершина и основаніе котораго скрываются отъ моего умственного взора.... Сначала мнѣ кажется, что этотъ отрѣзокъ конуса и есть вся моя жизнь; но по мѣрѣ движенія моей истинной жизни съ одной стороны, я вижу, что то, что составляетъ основу моей жизни, находится позади ея за предѣлами ея; по мѣрѣ жизни, я живѣе и яснѣе чувствую мою связь съ *невидимымъ мнѣ прошедшемъ*; съ другой стороны, я вижу, какъ эта же основа опирается на *невидимое мнѣ будущее*, и яснѣе и живѣе чувствую

свою связь съ будущимъ и заключаю о томъ, что виденная мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни, съ обѣихъ концовъ ея — до рожденія и послѣ смерти — несомнѣнно существующей, но скрывающейся отъ моего теперяшняго познанія. И потому прекращеніе видимости жизни послѣ плотской смерти, также какъ невидимость ея до рожденія, не лишаетъ меня несомнѣнного знанія ея существованія до рожденія и послѣ смерти». Стр. 318.

«Человѣкъ знаетъ, что если его не было прежде и онъ появился изъ ничего и умеръ, то его, особеннаго его, никогда *больше не будетъ* и быть не можетъ. Человѣкъ познаетъ то, что онъ не умретъ только тогда, когда онъ познаетъ то, что онъ никогда не рождался, а *всегда былъ, есть и будетъ*. Человѣкъ повѣрить въ свое *бессмертие* только тогда, когда онъ пойметъ, что его жизнь не есть волна, а есть *то вечное движение*, которое въ этой жизни проявляется только волною». Стр. 315.

Я привелъ эти выписки цѣлкомъ, чтобы не быть обвиненнымъ въ кривотолкѣ; за то теперь мы можемъ отвѣтить на вопросы, что такое та «новая жизнь» и что такое то «истинное благо», о которыхъ говорить графъ Толстой. Новая жизнь есть новое отношеніе къ миру чрезъ подчиненіе животной личности разуму. Разумъ учить тому, что единственное дѣйствительное благо есть любовь къ ближнему, и только такая

любовь дасть истинное благо жизни. Такой человѣкъ уже въ этой жизни вступает въ то новое отношеніе къ миру, для котораго нѣтъ смерти. Но если человѣкъ не вступает въ это новое отношеніе и не подчиняетъ животную личность разуму, оставаясь на той степени любви, съ которой онъ вступилъ въ жизнь, то уже ничто не можетъ спасти его отъ смерти. Если же особенное отношеніе человѣка къ миру выражается въ большей и большей степени любви, то это возражаніе любви, увеличеніе ея, и даетъ человѣку вѣчную жизнь. Но эта вѣчная жизнь не есть какая-нибудь будущая жизнь, но жизнь въ этомъ мірѣ. Послѣ смерти своего плотскаго тѣла онъ будетъ жить въ другихъ людяхъ, будетъ жить въ ихъ воспоминаніи и чрезъ него будетъ дѣйствовать на нихъ.

Короче сказать, графъ Толстой не признаетъ, чтобъ личное сознаніе человѣка переживало смерть его вещественнаго тѣла.

Въ такомъ случаѣ позволительно спросить: *кѣ чemu* было Нехлюдову возражаться въ новую жизнь, *кѣ чemu* ему было воскресать? Кѣ чemu была вся эта ломка? Какая въ этомъ цѣль и какой смыслъ, когда старая его жизнь и новая имѣютъ одинаковый результатъ, имѣютъ одинаковый конецъ, т. е. одинаково переходятъ въ вѣчное движеніе? Онъ могъ продолжать свою прежнюю жизнь и нисколько не смутиться судьбою Катюши, и итогъ быль бы все тотъ же—смерть,

конечное уничтожение. Я не буду входить въ странность этой философіи, которая ставить вопросъ о жизни или смерти человѣка въ зависимость отъ степеней любви—стихійное начало въ зависимости отъ нравственныхъ началь,—которая носителя личнаго сознанія предаетъ смерти, но бывшее его отношеніе къ міру вѣнчаетъ безсмертіемъ; я остановлюсь только на томъ положеніи, что стремленіе къ высшей нравственности можетъ быть совмѣстимо съ ученіемъ о полномъ уничтоженіи личнаго человѣческаго сознанія при смерти.

Было время, когда графъ Толстой доходилъ до отчаянія, не находя никакой цѣли въ жизни, не видя въ ней никакого смысла. Онъ понялъ этотъ смыслъ только тогда, когда спросилъ себя: какъ-же могутъ жить миллионы людей, не находя этого смысла, и когда онъ понялъ, что они живутъ *второй*, той простой вѣрой, которая основана на словахъ Христа, такъ просто возвѣщенныхъ въ Евангеліи. Тогда и графъ Толстой взялся за изученіе Евангелія. Но онъ понялъ и истолковалъ его по своему: любовь къ ближнему показалась ему великою истиной, но ученіе о будущей жизни показалось ему недостаточно обоснованнымъ, и все его толкованіе направлено было къ тому, чтобы въ такомъ смыслѣ истолковать слова Христа. Воля Хозяина, то есть Отца небеснаго, состоитъ въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, и тогда царство Бо-

жіе настанетъ; но оно настанетъ и останется на землѣ. Слова послѣдняго романа графа Толстого категоричны въ этомъ отношеніи: «Только исполній люди ученіе Христа, и на землю установится царство Божіе».

Но это ученіе о бессмертіи въ человѣчествѣ не представляетъ чего-либо новаго. Съ легкой руки Конта оно проновѣдалось французскими социалистами и съ особеннымъ блескомъ и полнотою было развито въ сочиненіи Пьера Леру, озаглавленномъ: «Человѣчество, его принципъ и его будущность, съ изложеніемъ истиннаго опредѣленія религіи», появившемся болѣе полувѣка тому назадъ. Исходя изъ того положенія, что ученіе о дуализмѣ духа и тѣла, неба и земли, какъ абсолютнаго блага и абсолютнаго грѣха, безусловно ложно, что оно породило вѣру въ существованіе двухъ міровъ и внесло только смуту въ убѣженія, Леру утверждаетъ, что жизнь одна—настоящая, земная, которая, въ сущности, и вѣчная. Онъ утверждаетъ, что человѣкъ бессмертенъ, ибо разъ человѣкъ существуетъ, то и будетъ существовать. «Человѣкъ бессмертенъ потому, что жизнь, по существу своему, не зависитъ ни отъ времени, ни отъ пространства, и подчиняется имъ только въ своихъ проявленіяхъ, следовательно одни проявленія погибаютъ»... «Это я, которое образуетъ нашу сущность и которое человѣкъ представляетъ себѣ живущимъ даже послѣ

смерти, это я есть человѣчество». Итакъ человѣкъ безсмертенъ въ человѣчествѣ. «Мы не только представляемъ изъ себя потомство тѣхъ, кои уже жили, но, въ сущности и дѣйствительно, мы эти самыя предыдущія поколѣнія», и т. д.

Какъ мы видимъ, это вполнѣ сходно съ тѣмъ, что утверждаетъ графъ Толстой. Въ сущности, это только отводъ и то же ученіе о конечной смертности личного сознанія въ человѣкѣ.

Во свѣтѣ этого безсмертія что можетъ сдѣлать человѣкъ? Всего естественнѣе онъ можетъ желать радиѣть обѣ увеличеніи виїнняго благосостоянія въ человѣчествѣ. Это удается, по существу дѣла, весьма немногимъ. Но положимъ, онъ внесетъ и свою лепту въ достижениѳ этой высокой цѣли; его трудъ не пропадетъ и будетъ жить въ далекомъ потомствѣ. Допустимъ, что онъ даже совершенно честно служилъ своему дѣлу и достигъ неувядаемыхъ результатовъ. Положимъ дальше, что онъ совершенно искренно любилъ своего ближняго и дѣлалъ ему добро по крайнему своему разумѣнію. Таково было безотчетное влеченіе его внутренней природы. Но какое было отъ того благо для души его? Ровно никакого, ибо въ этомъ ученіи не можетъ быть и мѣста для души, какъ таковой; не находится ей мѣста и въ ученіи графа Толстого.

Вместо души человѣкъ оставляеть по себѣ воспом-

минаніе, имъ онъ живеть въ людяхъ, въ человѣчествѣ. Надо правду сказать, что это воспоминаніе уже очень слабо въ третьемъ поколѣніи, а въ четвертомъ и вовсе исчезаетъ. Мы очень мало знаемъ, какъ жили наши працѣды, что они дѣлали, кого любили? Но положимъ, тѣмъ не менѣе, что человѣкъ вполнѣ сознательно усвоилъ «истинное разумѣніе жизни» и жилъ по этому ученію. Онъ жилъ въ любви и добрѣ, и его поминаютъ добромъ. Его любовь согрѣваетъ и наставляетъ тѣхъ, кого онъ оставилъ. Но другой могъ и не жить въ добрѣ и любви, и онъ только тѣшилъ свое и всячими дѣлами насилия и неправды. Его также поминаютъ, и повѣствованіе о его дѣлахъ не переходитъ не въ одно поколѣніе. Третій живѣтъ такъ, что однихъ онъ любилъ, а другихъ ненавидѣлъ; однимъ дѣлалъ всякое добро, а другимъ всякое зло, и поминаютъ его одни — добромъ, а другіе — зломъ. Четвертый никакого слѣда по себѣ не оставилъ; онъ живѣлъ изо дня въ день, съ грѣхомъ пополамъ, болѣе всего заботясь о насущномъ хлѣбѣ. Котораго же изъ нихъ надѣлить графъ Толстой безсмертіемъ?

Но что сказать о томъ человѣкѣ, который, возгораясь истиннымъ «разумѣніемъ жизни», захотѣлъ вступить въ новую жизнь и родиться духомъ? Всѣ стремленія своей животной личности онъ захотѣлъ подчинить высшимъ требованіямъ любви и разума. И эта высокая цѣль имъ достигнута. Въ тиши и без-

молвій совершилось величес дѣло духовнаго возрожденія, и никто даже не зналъ о той внутренней работе, которою созидался духовный человѣкъ. Воспоминаніе о ней не перейдетъ даже въ потомство, ибо она никому не была известна. Такимъ образомъ его нравственная борьба, искушенія, побѣда надъ ними, словомъ—вся та внутренняя жизнь, которая и составляетъ всю суть *нравственнаго возрожденія*, не дадутъ ему ничего. Весь личный трудъ поглощается безличной цѣлью.

Такова ли цѣль, таковъ ли смыслъ жизни, на которыхъ могъ успокоиться графъ Толстой?

Давно тому назадъ, С. П. Боткинъ, поминая погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ доктора Бубнова, писалъ: «осталось въ утѣшениѣ одно — сказать себѣ: онъ былъ!» (*«Новое Время»*, отъ 21 декабря 1884 г.). Далѣе этого утѣшениѣ не идеть и графъ Толстой.

Какихъ именно религіозныхъ убѣжденій держался Нехлюдовъ — этого изъ романа не видно. Вначалѣ, вѣроятно, какъ и тысячи другихъ, онъ былъ довольно равнодушенъ къ учению церкви о добрѣ и злѣ, и о смыслѣ своего земного странствія. Но видѣ осужденной Катюши его перевернулъ. Онъ возгорѣлся желаніемъ помочь ея судьбѣ и раскаяніе въ своемъ поступкѣ не даетъ ему покоя. Мы видѣли его въ этомъ настроеніи во все время слѣдованія каторжныхъ по Сибири и до момента помилованія Катюши. Тутъ ему

попадается Евангелие и новая жизнь открывается передъ нимъ. Но все это могло случиться и со всяkimъ другимъ человѣкомъ, пораженнымъ послѣдствіями своего преступнаго поступка. Отъ героя графа Толстого ожидалось, что проникнутый его ученiemъ, онъ приложитъ его къ жизни; что онъ воскреснетъ къ ней, познавъ «ученіе истины», проповѣдуемое графомъ Толстымъ. Я именно этого «воскресенія» и ждалъ. Я хотѣлъ видѣть, какимъ образомъ его герой приступить къ новой жизни, отказываясь отъ того коренного понятія, которое было привито ему отъ рожденія. Я хотѣлъ видѣть, какіе мотивы побѣдять логику Нехлюдова и заставляютъ его признать *необходимость* воскресенія въ новую жизнь при полномъ убѣжденіи, что его личное бытіе не переживетъ распаденія тѣла. Ни чуть не бывало. Можно подумать, что Нехлюдовъ вступилъ въ новую жизнь, какъ и всякий другой вѣрующій христіанинъ.

Вопросъ поставленъ ясно. Одно изъ двухъ: или индивидуальное я при смерти погибаетъ, или, вступая въ новую сферу существованія, сохраняется. Тутъ не можетъ быть середины, ибо эти взгляды діаметрально противоположны и другъ друга исключаютъ. Если *другой* жизни нѣть, то естественно человѣкъ ставить себя центромъ *этой* жизни, и цѣль его состоить въ томъ, чтобы взять отъ этой жизни все, что

только она можетъ представить ему хорошаго. Онъ можетъ и любить ближняго, и дѣлать ему добро, и быть честнымъ, но это потому, что виѣшие благоустройство и личное спокойствіе того требуютъ: вѣдь лучше, чтобы люди жили въ мірѣ, а не ссорились; лучше, чтобы люди поступали по законамъ чести и справедливости, чѣмъ обманывали бы и притѣсняли другъ друга, и т. д. Но все это было бы только средствомъ, а не цѣлью. Наконецъ, человѣкъ можетъ быть искренно добродѣтельнымъ и по истинѣ любвеобильнымъ, но безсознательно—такъ ужъ печь печетъ! И такая жизнь не имѣла-бы ни цѣли, ни смысла.

Сколько не натягивай этотъ способъ пониманія жизни, человѣкъ есть не что иное, какъ высшее животное. Конецъ ихъ одинаковъ и вѣчное движеніе продолжаетъ одинаково работать послѣ исчезновенія того и другого. Можно и про животнаго сказать, что оно никогда не умретъ, потому что «никогда не рождалось, а всегда было есть и будетъ» (стр. 315). При такомъ взглядѣ на жизнь нѣтъ болѣе мѣста для религіи; нравственные начала, нравственные идеалы не могутъ и не должны существовать. Они должны замѣниться высшимъ для животнаго закономъ. Этотъ законъ теперь формулируется словами: *борьба за существование*. Во свѣтѣ этого закона кто другого сильнѣе, умнѣе, искуснѣе, тотъ и правъ и разуменъ. Вместо любви къ ближнему

должна стать на первомъ мѣстѣ любовь къ себѣ и къ міру, и все, что обезпечиваетъ возможность личнаго наслажденія этой жизнью, должно считаться законнымъ и разумнымъ. Лозунгомъ этой жизни является: выгода, спокойствіе и удовольствіе. Самоотверженная любовь къ ближнему, честь, правда,— это только остатки суевѣрій.

Еслибы Нехлюдовъшелъ сознательно по этому пути, то онъ не помышлялъ бы объ искушенії какой-то вины передъ Катюшой. Какія отсталыя понятія! Онъ рабствовалъ привитымъ отъ воспитанія убѣжденіямъ и они господствовали въ немъ. Если бы онъ былъ свободенъ отъ нихъ, то онъ не чувствовалъ бы себя виновнымъ передъ Катюшой, онъ нашелъ бы свой поступокъ весьма естественнымъ. Онъ только пожалѣлъ бы, что наше общество настолько удалилось отъ природы, что подобныя отношенія считаетъ предосудительными. Онъ вспомнилъ бы о той дѣвушкѣ острововъ Гаити, которая никакъ не могла понять, зачѣмъ заѣзжій англичанинъ, въ добавокъ какои-то пасторъ, боролся съ собою и толковалъ ей, что совѣсть никакъ не позволяетъ ему подчиниться этой страсти. Дѣвушка на это ему отвѣчала, что она этого никакъ не можетъ понять и что, по ихъ убѣжденіямъ, величайшая честь для дѣвушки, если она понравится кому-нибудь и дастъ жизнь другому человѣку; что, напротивъ, величайшее для дѣвушки безславіе, если

она не найдетъ ни одного человѣка, которому бы она понравилась, и проживетъ до конца дней, не давши жизни другому существу. Вотъ это вполнѣ естественно и согласно съ законами природы.

А Катюша? Вольно же ей было! Еслибъ она вела себя иначе, то, вѣроятно, тетушки прикрыли бы ея грѣхъ и окружили бы ее возможнымъ вниманіемъ; изъ нея вышла бы хорошая, преданная женщина и Нехлюдовъ не встрѣтилъ бы ее на скамьѣ подсудимыхъ. Но если, повинуясь влечению своей природы, она пошла по другому пути, то она могла бы и по этому пути идти удачно и славно, какъ и многія другія женщины, еслибъ только у ней хватило на то умѣнья; но вотъ она попала на скамью подсудимыхъ и должна была погибнуть въ борьбѣ за существованіе, какъ болѣе слабое существо.

Въ свѣтѣ такого пониманія жизни всякое удовлетвореніе страстей законно. Самая обычная форма удовлетворенія такихъ страстей требуетъ обмана, и дѣйствительно, обманъ въ семейномъ быту, а также и въ гражданскомъ, процвѣтаетъ. Присвоеніе чужой собственности, если оно прикрыто громкими словами и обставлено удачно, не считается преступнымъ. Равнодушіе къ судьbamъ ближняго, переходящее подчасъ въ жестокость и преслѣдованіе, словомъ, всякое насилие, если только оно прикрыто приличіемъ или закономъ, будеть считаться естественнымъ. Противъ

такого образа жизни никто не возвысить голоса, и самъ человѣкъ можетъ себя поздравить, что, поступая такимъ образомъ, онъ сталъ выше суевѣрій и жилъ по послѣднему слову *науки*.

Все это логическія послѣдствія ученія объ окончательной смертности человѣка. Въ этомъ не должно дѣлать себѣ иллюзіи. Если человѣкъ есть только животное, то не можетъ быть и рѣчи о его духовномъ преуспѣяніи, а только о его материальномъ благосостояніи; и всѣ средства къ достижению этого благосостоянія должны считаться дозволенными, доколѣ онъ не нарушаютъ установленныхъ для сего благосостоянія законовъ. И вотъ въ продолженіе цѣлаго вѣка мыслящая часть общества все болѣе и болѣе утрачиваетъ вѣру въ какое-либо посмертное существованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ всякая неправда и животность все болѣе и болѣе берутъ верхъ, а если малѣйшая неудача въ жизни наскъ постигаетъ, то пущенная въ лобъ пуля очень скоро этому затрудненію помогаетъ.

Почему же графъ Толстой полагаетъ, что его учение о жизни будетъ имѣть болѣе успѣха, чѣмъ высказанное полвѣка тому назадъ? Человѣкъ очень мало интересуется тѣмъ, что будетъ послѣ него: *aprѣs nous le dѣluge* — вотъ лозунгъ нашего вѣка. Чѣмъ болѣе будетъ человѣчество проникаться этимъ учениемъ, тѣмъ болѣе будетъ оно отрекаться отъ всякихъ

идеаловъ и стремиться къ возвеличенію той истины, которая открылась ему въ «настоящемъ разумѣнїи жизни». Оно нравится людямъ, ибо потворствуетъ ихъ страстямъ. Графъ Толстой правъ, говоря: «Заглушить этотъ голосъ нельзя, потому что голосъ этотъ не чей-нибудь одинъ голосъ, а голосъ всего разумнаго сознанія человѣчества, который высказывается и въ каждомъ отдельномъ человѣкѣ, и въ лучшихъ людяхъ человѣчества, и теперь уже въ большинствѣ людей».

Философы «просвѣтители» не отступаютъ въ этомъ отношеніи отъ естествоиспытателей и идутъ все дальше въ ученіи о пользованіи кратковременной человѣческой жизнью. Не находя въ ней никакого смысла, они, наконецъ, въ озлобленіи своемъ, торжественно провозглашаютъ средство избавиться отъ нея: это средство — повальное самоубийство.

Совсѣмъ иначе представляется дѣло, если человѣкъ вѣритъ, что его индивидуальное *я* при смерти не погибаетъ. Въ такомъ случаѣ онъ ставить не себя центромъ жизни, а ближняго, и цѣль его состоить въ томъ, чтобы употребить эту жизнь какъ можно полезнѣе для окружающихъ его. Онъ любить ближняго и дѣлаетъ ему добро не изъ какихъ-либо разсчетовъ, а потому что любить добро за добро; онъ честенъ и справедливъ не потому, что такъ покойнѣе и выгоднѣе, а потому, что честь и правда того требуютъ. Цѣль его жизни есть *духовное достояніе*, то есть,

то богатство духа, которое приобрѣтается дѣлами любви и добра. И лозунгомъ его жизни является не борьба за существованіе, а борьба за принципъ, за идеалъ. Онъ вѣрить, что всякая нравственная побѣда остается при немъ и развивается то внутреннее существо, которое лежитъ въ основѣ его индивидуального ядра. Онъ вѣритъ въ прогрессъ и знаетъ, что всякий шагъ его на пути къ личному усовершенствованію не пропадетъ, а приложится къ тому капиталу, съ которымъ онъ перейдетъ въ другую сферу существованія, и въ которой это усовершенствованіе будетъ продолжаться.

И какъ близокъ былъ къ этой истинѣ графъ Толстой, когда онъ говоритъ: «Ясно, что уничтоженіе послѣдняго по времени сознанія, при плотской смерти, такъ же мало можетъ уничтожить истинное человѣческое я, какъ и ежедневное засыпаніе» (стр. 303, также 301). Можно подумать, что онъ говоритъ о посмертномъ сохраненіи этого я, но онъ тутъ же разбиваетъ это, говоря: «то, что связываетъ всѣ сознанія въ одно, то, что и есть особенное я человѣка, находится виѣ времени, всегда было и есть, и то, что можетъ прерываться, есть только рядъ сознаній извѣстнаго времени». Слѣдовательно, опять вѣчное, безличное движеніе жизни. Чего же испугался графъ Толстой? Или онъ усомнился въ безконечныхъ возможностяхъ природы, въ безконечной мудрости ея

творчества? Или другой міръ ему показался менѣе метафизичнымъ, чѣмъ здѣшній? Или бытіе, къ которому мы привыкли, показалось ему единственно возможнымъ?

Эта другая жизнь не должна быть понимаема какъ нѣчто абсолютно противоположное здѣшней, но только какъ другая форма жизни, въ другихъ, но столь же конечныхъ условіяхъ; абсолютного дуализма нѣтъ и не можетъ быть. Нельзя допустить, чтобы индивидуальное зерно, выработавшееся столькими вѣками въ личное сознаніе, внезапно обрывалось и пропадало. Мы сами сознаемъ, что это сознаніе есть только первая ступень и далеко не совершенная. Какая будетъ эта форма, каковы будутъ условія этой жизни, намъ неизвѣстно, и понять этого мы не можемъ, подобно тому, какъ куколка не можетъ понять, что она превратится въ бабочку, какъ ребенокъ въ утробѣ матери не можетъ понять того міра, въ которомъ мы теперь живемъ. Человѣкъ естественно бессмертенъ, то есть, естественно переходитъ въ другую сферу бытія, гдѣ его душевное состояніе будетъ естественнымъ послѣдствиемъ дѣлъ и мыслей его земной жизни; поэтому радости и печали этой будущей жизни не будутъ наградой или наказаніемъ, а естественнымъ послѣдствиемъ естественной причины,

Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе духовнаго начала; это онъ долженъ помнить прежде всего,

а потому его единственная забота должна состоять въ преумноженіи своего духовнаго достоянія, ибо имъ онъ обезпечиваетъ успешность своего дальнѣйшаго совершенствованія. Такимъ образомъ, это паки бытіе — ближайшая ступень нашего существованія, и человѣкъ можетъ и долженъ о томъ знать. При такомъ взглядѣ здѣшняя жизнь человѣка получаетъ цѣль и смыслъ; при такомъ взглядѣ можно сказать, вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ, «что человѣкъ въ своемъ сердцѣ чувствуетъ, что любовь и добро къ ближнему есть одна истинная, свободная и вѣчная жизнь», и что «начало жизни, дающее людямъ неудовлетворенное стремленіе къ жизни и благу, не представляется обманннымъ».

Графъ Толстой правъ, когда говоритъ: «Попытки въ наше время влить въ человѣка духовное содержаніе черезъ вѣру помимо разума — это все равно, что попытки питать человѣка помимо рта». Полагаю, что логика фактовъ есть именно логика разума. Поэтому вопросы о жизни или смерти должны изучаться и решаться не на основаніи буквы, которая измѣнчива и искажаема, а на основаніи откровеній природы, которые незыблемы и вѣчны. Понятно, что въ основѣ этихъ вопросовъ лежать явленія, наблюдаемыя надъ самимъ человѣкомъ. Жизнь остается одинаковой загадкой; но часть ея явленій легко доступна, другая — менѣе; дѣло только въ томъ, чтобы не брать ихъ на

выборъ, по указанію сердца. Въ совокупномъ изученіи этихъ явлений, мы можемъ имѣть надежду на болѣе и болѣе удовлетворительное разрѣшеніе помянутыхъ вопросовъ.

Только въ послѣднее время стали болѣе систематично обращать вниманіе на такія стороны человѣческой жизни, которыя указываютъ на совершенно новыя возможности ея проявленій. Три существенныхъ факта вытекаютъ изъ этихъ наблюдений:

1) Наше внутреннее существо не исчерпывается нашимъ нормальнымъ, будничнымъ сознаніемъ. Оно можетъ мыслить и совершенно самостоятельно, даже одновременно съ нимъ, помимо обычныхъ органовъ познаванія.

2) Наше внутреннее существо не ограничивается въ своихъ проявленіяхъ периферіей нашихъ нервовъ. Оно можетъ проявлять свою волю и помимо извѣстныхъ намъ органовъ, носителей этой воли.

3) Наше внутреннее существо не стѣсняется въ своихъ проявленіяхъ обычными законами природы: времени, пространства и причинности. Эти проявленія могутъ, при этомъ, быть удостовѣрены всѣми обычными органами познаванія.

Эти факты открываютъ такие горизонты, что понятіе о жизни расширяется далеко за предѣлы нашего видимаго міра и солидарность человѣка со всѣмъ мі-

росозданіемъ перестаетъ быть пустою фразою. Во свѣтѣ этихъ фактовъ становится возможна та *экспериментальная метафизика*, о которой Шопенгауеръ только мечталъ.

2-го февраля.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Александръ Введенскій. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни.

Публичная лекція, прочитанная 7-го апрѣля 1896 года въ С.-Петербургскихъ высшихъ Женскихъ Курсахъ. Спб., 1896 г.

Нерѣдко приходится слышать толки о смыслѣ жизни, о томъ, въ чемъ долженъ онъ состоять, и какъ мы должны расположить свою жизнь, чтобы она не была безсмысленной. Среди молодежи это одна изъ самыхъ излюбленныхъ темъ. Но, говоря о смыслѣ жизни, въ большинствѣ случаевъ упускаютъ изъ виду спросить себя: при какихъ условіяхъ позволительно допускать смыслъ жизни, *употребляя слово «смыслъ» не въ произвольномъ расплывчатомъ значеніи*, при которомъ съ нимъ связываются то одно, то другое понятіе, но всегда *употребляя его въ томъ общепринятомъ значеніи, въ которомъ мы говоримъ о смыслѣ любой вещи*. Указанію этихъ условій, вѣроятнѣе — важнѣйшаго изъ нихъ, и посвящается это разсужденіе. Вотъ почему я и озаглавилъ его «Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни»...

Смысль любой вещи состоитъ въ ея истинномъ назначеніи, то-есть, въ томъ, чтобы она была назначена и дѣйствительно пригодна для достижениѧ какой нибудь цѣли. Таковъ первоначальный отвѣтъ на вопросъ: въ чёмъ состоитъ общепринятое значеніе термина «смысль любой вещи?» Но хотя этотъ отвѣтъ подкрѣпляется и подкрѣпленъ мною множествомъ примѣровъ, тѣмъ не менѣе на немъ еще нельзя остановиться: онъ только близокъ къ истинѣ, но еще не вполнѣ совпадаетъ съ ней...

Чтобы дальше не было никакихъ недоразумѣній, мы должны высказать все, что подразумѣвается въ понятіи «смысла». Дѣло въ томъ, что самыя-то цѣли могутъ быть различными; и не всякая цѣль считается нами способною придать смыслъ той вещи, которая будетъ служить средствомъ, приводящимъ къ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, будетъ таковой, что за ней не стоить гнаться, то-есть, если ее можно преслѣдоватъ только вслѣдствіе ошибочной оцѣнки ея значенія, то изъ одного того, что данная вещь служить средствомъ для достижениѧ подобной цѣли, эта вещь еще не пріобрѣтеть ровно никакого смысла. Такъ всѣ наши умышленные поступки всегда имѣютъ въ виду какую-нибудь цѣль...

Чтобы та цѣль, для достижениѧ которой назначена и пригодна, или даже дѣйствительно служить, данная вещь, была способна осмыслить эту вещь, для этого надо, чтобы сама-то эта цѣль была бо-

лье или менѣе цѣнной въ нашихъ глазахъ, чтобы за ней слѣдовало гнаться...

Такимъ образомъ окончательное опредѣленіе понятія «смысла вещи», будетъ слѣдующимъ: *подъ смысломъ данной вещи всегда подразумевается назначение и дѣйствительная пригодность данной вещи для достиженія такой цѣли, за которой почему либо надо или слѣдуетъ гнаться.* Таково общепотребительное значеніе термина «смыслъ», когда мы говоримъ о смыслѣ любой вещи. Узнавъ же это, легко сполна выяснить, что *следуетъ* или что мы логически обязаны имѣть въ виду, когда мы говоримъ о смыслѣ жизни; вѣдь понятіе «смыслъ жизни» составляетъ лишь частный случай понятія «смыслъ любой вещи». Поэтому, если смыслъ любой вещи состоить въ назначеніи и въ дѣйствительной пригодности данной вещи для достиженія цѣнной цѣли, то и смыслъ жизни долженъ быть понимаемъ, какъ назначеніе и дѣйствительная пригодность жизни для достиженія цѣнной цѣли, то-есть, такой цѣли, за которой надо или слѣдуетъ гнаться.

Такимъ образомъ вопросъ о смыслѣ жизни совпадаетъ съ вопросомъ о цѣли жизни. Спрашивать — въ чёмъ состоить смыслъ жизни, тоже самое,—что спрашивать—какова цѣнная цѣль жизни. А въ то же время легко убѣдиться, что вопросъ о смыслѣ жизни позволителенъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду такую цѣль, которая была бы абсолютно цѣнною...

Такимъ образомъ смыслъ жизни въ концѣ концовъ (въ послѣдней ипстанціи) можетъ зависѣть только отъ абсолютно цѣнной цѣли...

А отсюда получается такое опредѣленіе понятія смысла жизни: онъ состоитъ въ томъ, чтобы наша жизнь была назначена и служила дѣйствительнымъ средствомъ для достижениія абсолютно цѣнной цѣли, то-есть, такой цѣли, преслѣдованіе которой было бы обязательно не ради другихъ цѣлей, для которыхъ она служила бы средствомъ, а ради нея самой.

Итакъ смыслъ жизни сводится къ назначенію жизни для достижениія абсолютно цѣнной цѣли, — къ тому, чтобы жизнь служила дѣйствительнымъ средствомъ для осуществленія подобной цѣли. Но для жизни, также какъ и для всякой вещи, должно быть соблюдано общее логически необходимое условіе: цѣль, осмысливающая данную вещь, находится не въ ней самой, а въ ней. Напримѣръ: цѣль, осмысливающая всякое научное изслѣдованіе, находится не въ немъ самомъ, не въ изслѣдованіи ради изслѣдованія, а въ тѣхъ истинахъ, которые открываются этимъ изслѣдованіемъ...

Поэтому, если какаянибудь вещь, въ томъ числѣ и жизнь, служить или должна служить средствомъ для какой либо цѣли, то-есть, если она имѣеть смыслъ, то эта цѣль находится не въ ней самой, а вънѣ.

Итакъ, одно изъ двухъ: или у человѣческой жизни неѣ никакого смысла, или же ея смыслъ состоять

въ ея назначеніи и дѣйствительной пригодности для осуществленія такой цѣли, которая лежитъ за предѣлами человѣческой жизни...

Такимъ образомъ однимъ изъ условій, именно логическимъ условиемъ, позволительной вѣры въ смыслъ жизни служить вѣра въ существованіе такой абсолютно цѣнной цѣли, которая осуществляется за предѣлами человѣческой жизни. *Въпринять въ смыслѣ жизни логически позволительно только въ томъ случаѣ, если мы вѣримъ, что наша жизнь есть путь, ведущій насъ къ абсолютно чистной цѣли, лежащей вънѣ нашей жизни и осуществляющейся чрезъ посредство жизни.* Если же кто не хочетъ признать существованіе подобной цѣли вънѣ человѣческой жизни, тотъ долженъ отказаться и отъ вѣры въ смыслъ своей жизни, ибо одно составляетъ логическое слѣдствіе другаго: первая вѣра логически подразумѣвается во второй...

Одно изъ возраженій утверждаетъ, что нельзя допускать цѣль жизни вънѣ жизни въ силу нравственныхъ требованій, что подобное допущеніе противорѣчитъ имъ. Это возраженіе изложено въ одной книжкѣ, вышедшей осенью 1895 г., написанной человѣкомъ, имѣющимъ почтенное научное имя, правда, не философомъ специалистомъ, но любящимъ затрагивать общефилософскіе вопросы, сочиненія котораго сильно распространены¹⁾). По всему этому

¹⁾ «Мысли объ основахъ нравственности» Н. И. Карпева. СПб. 1895.

никоимъ образомъ нельзя игнорировать его мнѣнія; напротивъ, съ ними всегда надо сводить счеты, какъ съ сильно распространенными взглядами.

Это возраженіе развивается слѣдующимъ образомъ: если ставить цѣль жизни виѣ жизни, то придется ее искать или въ жизни другихъ людей или же признать, что цѣль всѣхъ человѣческихъ жизней находится виѣ этихъ жизней. Первое потому нелѣпо, что иѣть никакого, ни нравственнаго, ни логического основанія считать жизнь однихъ людей цѣлью, а жизнь другихъ только средствомъ. Если же полагать цѣль всѣхъ человѣческихъ жизней виѣ этихъ жизней, то придется разсматривать уже всякую человѣческую жизнь, какъ средство для достижени¤ этой цѣли. Но, буквально такъ говорить нашъ авторъ: «человѣческое я протестуетъ противъ такого отношенія къ нему». «Въ томъ и состоитъ, по словамъ автора, разница между вещью и личностью, что первую можно употреблять, какъ орудіе или средство, тогда какъ вторая имѣеть самостоятельное достоинство, не позволяющее видѣть въ ней орудіе или средство или, по крайней мѣрѣ, не позволяющее видѣть въ ней *только* орудіе или средство»...

А отсюда авторъ выводить, что цѣль жизни не можетъ быть допущена виѣ жизни, такъ какъ при этомъ пришлось бы разсматривать личность, какъ только средство, но что она находится въ предѣлахъ жизни людей; ибо только тогда и можетъ про-

изойти совпаденіе интересовъ личности съ цѣлью жизни; тогда только личность перестанетъ быть единимъ лишь средствомъ, но будетъ также и цѣлью...

Если бы дѣйствительно существовало, указываемое разсматриваемымъ авторомъ, противорѣчіе между нашимъ выводомъ и нравственными требованіями, то отсюда вытекало бы вовсе не то, что мы должны вѣрить въ такую цѣль, осмысливающую жизнь, которая осуществлялась бы уже въ самой жизни. Напротивъ, отсюда вытекало бы только то, что нельзя вообще вѣрить въ существованіе смысла жизни; ибо допустить цѣль, осмысливающую жизнь, въ самой жизни нельзя было бы въ силу логическихъ требованій, а допускать ее въ жизни (въ случаѣ дѣйствительного противорѣчія нашего вывода съ нравственнымъ закономъ) не позволяли бы нравственные требования.

Такое положеніе дѣлъ было бы крайне неутѣшительно; но оно вовсе не неизбѣжно...

Спросимъ себя: противорѣчить ли напрь выводъ тому нравственному требованію, по которому никакую личность нельзя разсматривать, какъ только средство или орудіе какихъ бы то ни было цѣлей? Разумѣется, противорѣчить, если мы втихомолку отожествляемъ понятіе земнаго существованія съ понятіемъ личнаго существованія вообще, если мы втихомолку допускаемъ, что съ прекращенiemъ земнаго существованія человѣческая личность исчезаетъ сполна. Тогда, разумѣется, цѣль земной жизни, на-

ходясь въ этой жизни, окажется и въ всякой личности; а потому личность станет разыгрывать всего только роль средства или орудія и утратить самостоятельное достоинство. Но вотъ вопросъ: по какому праву отожествили мы земное существованіе человѣка съ личнымъ существованіемъ вообще, земную жизнь человѣка, о смыслѣ которой у насъ идетъ рѣчь, съ его жизнью вообще?..

По какому праву мы утверждаемъ столь рѣшительно, какъ будто бы дѣло идетъ о завѣдомо доказанной вещи, что коль скоро цѣль, осмысливающая жизнь человѣка, находится въ этой жизни, то личность обращается въ одно лишь средство и утрачиваетъ всякое самостоятельное достоинство, такъ что въ силу нравственныхъ требованій мы не можемъ допустить эту цѣль жизни въ жизни? Ясно, что, пока вопросъ о бессмертіи научнымъ путемъ еще не решенъ, а тѣмъ болѣе, если еще никѣмъ не опровергнуто утвержденіе критической теоріи познанія, что въ силу организаціи нашего ума (т. е. вслѣдствіе качественныхъ, а не количественныхъ причинъ—не потому, что онъ очень труденъ) остается для насъ навсегда неразрѣшимъ, то во имя закона достаточнаго основанія мы еще не въ правѣ высказываться съ такою рѣшительностью. Взамѣнъ того мы должны признать слѣдующее не категорическое, но условное положеніе: *если мы не впремѣ въ бессмертіе, то нельзя уже впритѣ и въ смыслѣ жизни; ибо логическая требованія, вытекающія изъ*

содержанія понятія смысла, вынуждаютъ насъ по-
лагать цѣль, осмысливающую жизнь внѣ жизни; а
нравственныя требованія запрещаютъ допускать,
чтобы личность была въ какихъ бы то ни было
рукахъ, хотя бы и въ рукахъ Бога, только сред-
ствомъ; между тѣмъ, если нѣть бессмертія, а цѣль
жизни остается внѣ жизни, то личность оказывается
всего только средствомъ или орудіемъ. Если же,
наоборотъ, мы вѣримъ или хотимъ вѣрить въ смыслъ
жизни и въ то же время не хотимъ нарушать ни
логическихъ, ни нравственныхъ требованій, то мы
обязаны вѣрить въ бессмертіе. Другими словами:
*вѣра въ личное бессмертіе есть условіе и логиче-
ской и нравственной допустимости вѣры въ смыслъ
жизни...*

Попытки отвергнуть нашъ выводъ не останавливаются на только что указанныхъ, а идутъ гораздо
дальше. Кто отвыкъ отъ вѣры въ бессмертіе, тотъ,
разумѣется, хочетъ найти цѣль, осмысливающую
жизнь, въ предѣлахъ земнаго существованія. Ко-
нечно, наиболѣшимъ отвѣтомъ противъ всѣхъ подоб-
ныхъ попытокъ служить уже указанный анализъ
понятія «смысьль». Но выводъ, получаемый посред-
ствомъ этого анализа, становится еще убѣдительнѣе
и какъ бы осозательнѣе, когда мы разсмотримъ по-
пытки найти смыслъ жизни не тамъ, где онъ ука-
зывается логическою связью понятій. Поэтому-то
разсмотримъ ихъ.

Часто говорятъ такъ: зачѣмъ мнѣ искать смыслъ

жизни внѣ жизни, если цѣль моей жизни зависитъ отъ меня самаго? Вѣдь я самъ ставлю себѣ цѣли своей дѣятельности. Конечно, не всѣ цѣли, зависящія отъ моего произвола, будутъ таковы, чтобы онѣ придали смыслъ моей жизни. Но я могу поставить себѣ цѣль столь высокую, что она осмыслить всю мою жизнь, и тогда весь смыслъ жизни окажется лежащимъ уже въ самой жизни, а не за ея предѣлами. Но, спросимъ мы, въ чемъ же поставить мнѣ цѣль моей жизни такъ, чтобы послѣдняя сдѣлалась осмысленной? Разумѣется, искомая цѣль должна быть абсолютно цѣнной; а въ зависимости отъ этого та дѣятельность, которая приводила бы меня къ этой цѣли, должна быть въ моихъ глазахъ абсолютно обязательной. Но есть всего только одна дѣятельность, имѣющая абсолютно обязательный характеръ. Это—дѣятельность, предписываемая нравственнымъ долгомъ. Всякая другая дѣятельность имѣеть лишь относительную обязательность въ зависимости отъ того, насколько должны быть, или естественнымъ образомъ бывають желательными достигаемыя при ихъ помощи цѣли. Дѣятельность, при помощи которой я могу достичь извѣстныхъ удовольствій и удобствъ, обязательна для меня лишь въ томъ случаѣ, если я цѣню или почему нибудь обязанъ цѣнить эти удовольствія и удобства. А та дѣятельность, которая предписывается нравственнымъ долгомъ, обязательна абсолютно, сама по себѣ, независимо отъ всякихъ удовольствій и удобствъ. Она

не утрачиваетъ своего обязательнаго характера даже и въ томъ случаѣ, если бы она обѣщала мнѣ одни лишь страданія. Такимъ образомъ, если полагать смыслъ жизни въ жизни, а не въ ея, то только въ осуществлениіи той самой цѣли, которая составила бы иль дѣятельности, предписываемой намъ нравственнымъ долгомъ. Другими словами: если можно отыскать смыслъ жизни въ самой жизни, то не иначе, какъ только въ исполненіи цѣли, указываемой требованіями нравственнаго закона¹⁾.

Попробуемъ же допустить, что смыслъ жизни находится цѣликомъ въ ней самой и состоить только въ исполненіи того назначенія, которое предписывается нравственнымъ закономъ. Но вотъ вопросъ: не обратится ли самъ-то нравственный законъ въ величайшую безсмыслицу, если нѣтъ личнаго бессмертия? Въ самомъ дѣлѣ, если нравственный законъ предписываетъ и преслѣдуетъ какую нибудь опредѣленную цѣль, и если она въ то же время остается завѣдомо неосуществимой, то въ немъ нѣтъ

¹⁾ Молодежь часто готова полагать смыслъ жизни въ служеніи прогрессу. Прогрессъ, дѣйствительно, составляетъ нѣчто цѣнное. Но почему? Только потому, что онъ предписывается нравственнымъ закономъ. Вѣдь если бы то, что мы называемъ прогрессомъ, оказалось противорѣчащимъ требованиямъ нравственности, то мы не цѣнили бы этого, какъ прогрессъ. Такимъ образомъ смыслъ жизни можетъ состоять въ служеніи прогрессу лишь постольку же и при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ служеніи нравственному закону. Поэтому мы можемъ ограничиваться лишь разсмотрѣніемъ попытки осмыслить жизнь чрезъ служеніе нравственному закону.

никакого смысла, и онъ не въ силахъ придать смысль нашей жизни; ибо, какъ мы уже согласились, смысль всякой вещи состоить въ томъ, чтобы не только быть назначеннай для достиженія цѣнной цѣли, но также и въ томъ, чтобы дѣйствительно быть пригодной для достиженія этой цѣли. По крайней мѣрѣ, самъ авторъ упомянутой мною книжки вполнѣ согласенъ, что «ставить цѣлью жизни нѣчто недостижимое безразсудно: могу ли я, говорить онъ, всерьезъ вѣрить въ эту цѣль, когда я знаю, что успѣха въ стремленіи къ ней имѣть не буду?». А какую цѣль, вѣрнѣе всего, предписываетъ намъ нравственный законъ? Всякій, безспорно, согласится, что если имъ и предписывается какая нибудь определенная цѣль, то не иначе, какъ счастье всѣхъ людей. А какова эта цѣль—осуществимая или неосуществимая? Можно было бы привести тысячи примѣровъ и множество психологическихъ соображеній, доказывающихъ вполнѣшую неосуществимость этой цѣли, если допустить, что жизнь человѣка ограничивается однимъ лишь земнымъ существованіемъ. Но я для краткости употреблю другой пріемъ: я сошлюсь на установившуюся оцѣнку жизни, высказанную поэтами, религіознымъ сознаніемъ и философами. Величайшіе поэты, начиная съ царя Соломона, если только они воспѣвали не отдельные мгновенія жизни, а задумывались надъ оцѣнкой цѣлой жизни, всегда высказывали убѣжденіе въ неосуществимости, въ суности земнаго счастья. Наи-

болѣе же развитыя религіи — христіанство и буддизмъ, обѣ разсматриваютъ жизнь, какъ юдоль печали...

Такимъ образомъ, если нравственный законъ предписываетъ служеніе всеобщему счастью, то это — такая цѣль, относительно которой всѣ согласны, что она неосуществима на землѣ. Если же та цѣль, которая предписывается нравственнымъ закономъ, оказывается въ предѣлахъ земнаго существованія людей неосуществимою, такъ не значитъ ли это что онъ предписываетъ такую цѣль, которая неспособна осмыслить ни его самого, ни нашей жизни, коль скоро нѣть другаго существованія, кроме земнаго? Вѣдь мы уже признали, что лишь та вѣцъ имѣеть смыслъ, которая не только назначена для какой либо цѣнной цѣли, но и дѣйствительно пригодна для ея осуществленія. Да это такъ очевидно, что даже не отрицается и тѣми, кто ищетъ смысла земной жизни въ ней самой. Вотъ что пишетъ почетный авторъ упомянутой мной книжки: «поставить всеобщее счастье нравственною цѣлью своей жизни нельзя уже по одному тому, что это — такая цѣль, въ стремлениі къ которой непремѣнно потерпишь неудачу... Ставить же цѣлью жизни нѣчто недостижимое, прибавляетъ онъ, конечно, безразсудно: могу ли я всерьезъ вѣрить въ эту цѣль, когда я знаю, что успѣха въ стремлениі къ ней имѣть не буду». Нѣтъ, заканчиваетъ онъ, если выбирать разумно цѣль жизни изъ множества воз-

можныхъ, то лишь такую, которая вообще была бы достижима въ теченіе короткаго земнаго бытія».

Итакъ, если нравственный законъ предписываетъ служеніе всеобщему счастью, то онъ самъ не имѣть ни малѣйшаго смысла, а потому и не въ силахъ осмыслить мою жизнь, если нѣть безсмертія...

Иначе выйдеть въ томъ случаѣ, если мы допустимъ безсмертіе. При этомъ предположеніи мы вправѣ вѣрить (не говорю — будемъ знать, но можемъ вѣрить), что за предѣлами земной жизни осуществляется все то, что остается неосуществимымъ въ этой жизни, и что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для сохраненія смысла въ обязательности нравственнаго долга. Коль скоро допущено безсмертіе, то этимъ самыемъ открывается возможность вѣрить, что исполненіе нравственного долга служить безукоризненнымъ средствомъ для достиженія цѣли абсолютно цѣнной и осуществляющейся въ посмертной жизни, что нравственная дѣятельность есть ничто иное, какъ путь, ведущій къ этой цѣли, а совѣсть ничто иное, какъ отголосокъ этой цѣли въ нашей земной жизни...

Итакъ, когда смысль жизни полагается въ служеніи нравственному долгу, а этотъ долгъ понимается, какъ обязанность служить всеобщему счастью, то вѣра въ смысль жизни, все-таки, оказывается логически непозволительной безъ вѣры въ безсмертіе, ибо всеобщее счастье оказывается неосуществимымъ, если нѣть безсмертія. Это, конечно, еще

не значить, что никто не будетъ исполнять нравственныя предписанія, если онъ не вѣрить въ бессмертіе. Всегда найдутся люди, которые будутъ достаточно непослѣдовательны или капризны, чтобы дѣлать то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла. Поэтому легко могутъ встрѣтиться такие люди, которые, не вѣря въ бессмертіе, все-таки будутъ стараться исполнять нравственныя предписанія. Они могутъ такъ поступать или въ силу привычки къ извѣстному поведенію, или же потому что лично имъ больше нравится поступать такъ, а не иначе, подобно тому, какъ многимъ непреодолимо нравится быть одѣтымъ по модѣ. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для многихъ кажется болѣе красивымъ, болѣе эстетичнымъ, не противорѣчить своимъ поступками нравственнымъ предписаніямъ; поэтому они будутъ исполнять ихъ, хотя бы и не видѣли въ нихъ ровно никакого смысла — просто ради своего удовольствія, какъ бы изъ-за эстетического наслажденія. Но если проанализировать понятіе «смыслъ жизни» и не забывать, что въ немъ подразумѣвается *дѣйствительная пригодность* для достиженія абсолютнoї цѣнной цѣли, то мы должны согласиться, что при отсутствіи бессмертія подчиненіе жизни нравственнымъ требованіямъ придаетъ ей также мало смысла, какъ и ея подчиненіе требованіямъ моды; очень можетъ быть, что жизнь, согласная съ нравственнымъ закономъ, и въ этомъ случаѣ окажется болѣе пріятною, красивой, эсте-

тичной, но отнюдь не болѣе осмысленою, чѣмъ жизнь безнравственная...

Итакъ, если ужъ искать цѣль, осмысливающую жизнь, въ предѣлахъ земной жизни, то не иначе, какъ въ исполненіи цѣли, указываемой нравственнымъ закономъ; ибо только онъ одинъ имѣть абсолютную обязанность; и поэтому только одна лишь предписываемая имъ цѣль и можетъ сообщить смыслъ нашей жизни. Но что же оказывается? Сама-то обязательность нравственного долга обращается въ величайшую безмыслицу, коль скоро нѣтъ бессмертія, ибо та цѣль, которая преслѣдуется нравственнымъ закономъ, оказывается вполнѣ неосуществимою въ предѣлахъ земной жизни. Такимъ образомъ, если я хочу вѣрить, что осуществленіе цѣли нравственного закона придаетъ смыслъ моей жизни, то я долженъ вѣрить и въ бессмертіе; если же я не могу и не хочу вѣрить въ бессмертіе, то я долженъ отказаться и отъ попытокъ найти смыслъ жизни въ осуществленіи цѣли, предписываемой нравственнымъ закономъ. А коль скоро я все-таки хочу найти смыслъ жизни, не выходя за предѣлы жизни, то остается попробовать искать его не въ осуществленіи цѣли нравственного закона, а въ чемъ нибудь другомъ, хотя уже заранѣе видно, что эти попытки окажутся бесплодными; ибо, чтобы осмыслить жизнь, нужно, чтобы она была дѣйствительно пригодна для осуществленія абсолютно цѣнной цѣли; а такою цѣлью можетъ служить только та цѣль, которая совпадаетъ съ цѣлью нравственного закона.

Во всякомъ случаѣ подобная попытка существуетъ и должна быть разсмотрѣна нами. Она сдѣлана почтеннымъ авторомъ все той же книжки, о которой я уже неоднократно упоминалъ. «Ставить цѣлью жизни, говорить онъ, нѣчто недостижимое, конечно, безразсудно... Поэтому всеобщее счастье не можетъ быть такою цѣлью. Но ею можетъ быть нѣчто иное, не только не противорѣчащее всеобщему счастью, но даже родственное этому верховному критерію. Я не могу осуществить всеобщаго счастья, но могу достигнуть сознанія, что я дѣлаю все отъ меня зависящее для осуществленія общаго счастья; и это сознаніе можетъ доставить мнѣ величайшее наслажденіе. Я могу не имѣть успѣха въ этой дѣятельности, когда враждебныя усиія или неблагопріятныя обстоятельства станутъ поперекъ моей дороги; но отъ меня самого зависитъ имѣть успѣхъ или испытать неудачу, разъ цѣлью жизни я поставлю достиженіе сознанія, что я по мѣрѣ силъ своихъ дѣйствую согласно съ требованіями высшаго блага» (I. с. стр. 46).

Странное дѣло: если я поставлю своей цѣлью всеобщее счастье, то такая цѣль не можетъ осмыслить мою жизнь, ибо признано уже, что такая цѣль неосуществима. Но если я поставлю своей цѣлью одно лишь *сознаніе* того, что моя дѣятельность по мѣрѣ моихъ силъ направлена къ осуществленію этой завѣдомо неосуществимой цѣли, то отсюда вдругъ возникнетъ такое наслажденіе, что оно осмыслить

всю мою жизнь. Полно, не наоборотъ ли? Когда человѣкъ стремится къ какой нибудь высокой цѣли и не подозрѣваетъ о томъ, что она неосуществима, а напротивъ вѣритъ въ ея осуществимость, то, какая бы неудачи ни испытывалъ онъ въ своихъ стремленіяхъ къ этой цѣли: онъ все-таки можетъ наслаждаться своею дѣятельностью, направленной къ осуществленію этой цѣли, его утѣшаетъ и ободряетъ сознаніе ея высокой цѣнности и иллюзія ея осуществимости. Но какъ только онъ пойметъ ея неосуществимость, то сознаніе того, что вся его дѣятельность была и всегда будетъ направлена только къ неосуществимой цѣли, должно его нестерпимо мучить; такое сознаніе неизбѣжно вызоветъ въ немъ разочарованіе въ жизни. Развѣ можно найти человѣка, который, понимая всю безплодность попытокъ поймать свою собственную тѣнь, все-таки находилъ бы величайшее наслажденіе въ сознаніи, что онъ по мѣрѣ силъ посвящаетъ свою жизнь подобнымъ попыткамъ, въ сознаніи, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее для поимки своей тѣни?..

Но если такое наслажденіе сознаніемъ, что я по мѣрѣ силъ дѣлаю безплодныя попытки, и возможно, то во всякомъ случаѣ у насъ идетъ рѣчь не о томъ, что способно *наполнить наслажденiemъ* нашу жизнь, а о томъ, что способно ее *осмыслить*. И вотъ посмотримъ, насколько пригодна съ этой точки зрѣнія указываемая разматриваемымъ авторомъ цѣль жизни. Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ: если все-

общее счастье уже признано такой цѣлью, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, коль скоро нѣть другой жизни, кроме земной, то мы логически обязаны признать и то, что содѣйствие всеобщему счастью составляет содѣйствие такой цѣли, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, коль скоро нѣть другой жизни, кроме земной. А содѣйствие такой цѣли, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, разумѣется, не можетъ сдѣлать нашу жизнь осмысленною, если бы даже вопреки всѣмъ психологическимъ законамъ сознаніе о фактѣ такого содѣйствія наполнило жизнь величайшимъ наслажденіемъ.

Словомъ, мы повсюду наталкиваемся на одинъ и тотъ же выводъ: или надо отказаться отъ вѣры въ смыслъ жизни (а съ нимъ и въ смыслъ нравственнаго закона), или же, вѣря въ него, надо вѣрить и въ личное бессмертіе. Но, скажутъ мнѣ, это — выводъ условный: онъ не говоритъ, слѣдуетъ ли вѣрить въ смыслъ жизни, а указываетъ только, при какихъ условіяхъ позволительно вѣрить въ него...

Въ чёмъ же тогда состоить практическое значеніе нашего вывода?

Отвѣтъ очень простъ: въ устраненіи того, что можетъ быть названо умственнымъ развратомъ, составляющимъ едва ли не наихудшій видъ разврата. Подъ вліяніемъ недавняго господства материализма и полнаго упадка философіи множество лицъ отвыкло отъ вѣры въ бессмертіе, даже подсмѣивается надъ ней, а въ то же время толкуетъ о смыслѣ жизни,

продолжаетъ вѣрить въ него, и такимъ образомъ развращаетъ свой умъ, постепенно пріучая его къ крайней непослѣдовательности, къ нелогичности, и этимъ самymъ вообще притупляетъ въ немъ способность чувствовать правду. И вотъ, напръвъ выводъ содѣйствуетъ устраниенію подобнаго разврата, ибо онъ прямо требуетъ отъ насъ отречься отъ непослѣдовательнаго материализма, вынуждаетъ насъ или увѣровать въ бессмертіе, или же сдѣлаться вполнѣ послѣдовательными материалистами, то-есть, не вѣря въ бессмертіе, перестать вѣрить и въ смыслъ жизни, а съ нимъ и въ смыслъ обязательности нравственнаго долга, и если ужъ исполнять требованія нравственности, то не потому, чтобы имъ безъ вѣры въ бессмертіе можно было приписать какой нибудь смыслъ, а только потому, что это намъ пока еще нравится, или же потому, что мы издавна привыкли такъ поступать. Въ этомъ-то устраниеніи привычки къ непослѣдовательному материализму, привычки, развращающей нашъ умъ, притупляющей въ немъ чувство правды, и состоитъ практическое значеніе нашего вывода.

Ф. М. Достоевскій. «Дневникъ Писателя»,
за 1876 г., октябрь.

«ПРИГОВОРЪ».

Кстати, вотъ одно разсужденіе одного самоубійцы
отъ скучи, разумѣется, материалиста.

«...Въ самомъ дѣлѣ: какое право имѣла эта природа производить меня на свѣтѣ, вслѣдствіе какихъ-то тамъ своихъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу *созналъ*: какое право она имѣла производить меня, безъ моей воли на то, со- знающаго? Сознающаго, стало быть, страдающаго, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, чрезъ сознаніе мое, возвѣщаетъ мнѣ о какой-то гармоніи въ цѣломъ. Человѣческое сознаніе надѣжало изъ этого возвѣщенія религій. Она говоритъ мнѣ, что я, — хоть и знаю вполнѣ, что въ «гармоніи цѣлаго» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ея вовсе что она такое значить, — но что я все-таки долженъ подчиниться этому возвѣщенію, долженъ смириться, принять страданіе въ виду гармоніи въ цѣломъ и согласиться жить. Но если выбирать сознательно,

то ужъ, разумѣется, я скорѣе пожелаю быть счастливымъ лишь въ то мгновеніе, пока я существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣть никакого дѣла послѣ того, какъ я уничтожусь—останется ли это цѣлое съ гармоніей на свѣтѣ послѣ меня, или уничтожится сейчасъ же вмѣстѣ со мною. И для чего бы я долженъ быть такъ заботиться о его сохраненіи послѣ меня,—вотъ вопросъ? Пусть ужъ лучше я былъ бы созданъ какъ всѣ животныя, т. е. живущимъ, но не сознающимъ себя разумно; сознаніе же мое есть именно не гармонія, а напротивъ дисгармонія, потому что я съ нимъ несчастливъ.

Посмотрите, кто счастливъ на свѣтѣ и какие люди соглашаются жить? Какъ разъ тѣ, которые похожи на животныхъ и ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію ихъ сознанія. Они соглашаются жить охотно, по именно подъ условiemъ жить, какъ животныя, то есть ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей. Іѣсть, пить и спать, по человѣческому значить паживаться и грабить, а устраивать гнѣздо значить по преимуществу грабить. Возразять мнѣ, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнѣздо на основаніяхъ разумныхъ, на научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ, а не грабежомъ, какъ было донынѣ. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться въ обществѣ людей правильно, разумно и нравственно—праведно? На это ужъ конечно никто не сможетъ мнѣ дать отвѣта. Все, что

мнѣ могли бы отвѣтить, это: «чтобъ получить наслажденіе». Да, еслибъ я былъ цвѣтокъ или корова, я бы и получилъ наслажденіе. Но, задавая, какъ теперь, себѣ безпрерывно вопросы, я не могу быть счастливъ, даже и при самомъ высшемъ и *непосредственномъ* счастьи любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество—обратимся въ ничто, въ прежній хаосъ. А подъ такимъ условиемъ я ни за что не могу принять никакого счастья,—не отъ нежеланія согласиться принять его, не отъ упрямства какого изъ-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастливъ подъ условиемъ грозящаго завтра нуля. Это—чувство, это непосредственное чувство и я не могу побороть его.

Ну, пусть бы я умеръ, а только человѣчество оставалось бы вмѣсто меня вѣчно, тогда можетъ быть, я все же былъ бы утѣшенъ. Но вѣдь планета наша невѣчна и человѣчеству срокъ—такой же мигъ, какъ и мнѣ. И какъ бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣчество,—все это тоже приравняется завтра къ тому же нулю. И хоть это почему то тамъ и необходимо, по какимъ-то тамъ всесильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее нуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбитель-

ное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго.

И, наконецъ, еслибъ даже предположить эту сказку обѣ устроенному, наконецъ-то, на землѣ человѣкѣ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ — возможно и повѣрить ей, повѣрить грядущему, наконецъ-то, счастью людей,—то ужъ одна мысль о томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ коснѣмъ законамъ ея, истязать человѣка тысячелѣтія, прежде чѣмъ довести его до этого счастья, одна мысль обѣ этомъ уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте къ тому, что той же природѣ, допустившей человѣка, наконецъ-то, до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра въ нуль, не смотря на все страданіе, которымъ заплатило человѣчество за это счастье, и, главное, никакъ не скрывая этого отъ меня и моего сознанья, какъ скрыла она отъ коровы,—то невольно приходитъ въ голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «ну что, если человѣкъ былъпущенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобы только посмотретьъ: уживется ли подобное существо на землѣ или нѣть?» Грусть этой мысли, главное—въ томъ, что опять-таки нѣть виноватаго, никто пробы не дѣлалъ, никого проклясть, а просто все произошло по мертвымъ законамъ природы, мнѣ совсѣмъ непонятнымъ, съ которыми сознанію моему никакъ нельзя согласиться.

Ergo:

Такъ какъ на вопросы мои о счастьи я черезъ мое же сознаніе получаю отъ природы лишь отвѣтъ, что могу быть счастливъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, котораго я не понимаю и, очевидно для меня, и понять никогда не буду въ силахъ —

Такъ какъ природа не только не признаетъ за мной права спрашивать у нея отчета, но даже и не отвѣчаетъ мнѣ вовсе — и не потому, что не хочетъ, а потому что и не можетъ отвѣтить —

Такъ какъ я убѣдился, что природа, чтобы отвѣтить мнѣ на мои вопросы предназначила мнѣ (безсознательно) меня же *самого*, и отвѣчаетъ мнѣ моимъ же сознаніемъ (потому что я самъ это все говорю себѣ) —

Такъ какъ, наконецъ, при такомъ порядкѣ, я принимаю на себя въ одно и тоже время роль истца и отвѣтчика, подсудимаго и судьи, и нахожу эту комедію, со стороны природы, совершенно глупою, а переносить эту комедію, съ моей стороны, считаю даже унизительнымъ —

То, въ моемъ несомнѣнномъ качествѣ истца и отвѣтчика, судьи и подсудимаго, я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе — вмѣстѣ со мною къ уничтоженію... А такъ какъ природу я истребить не могу, то и истреблю себя одного, единственно отъ скучи сносить тиранію, въ которой нѣтъ виноватаго».

